

УДК 34.01
DOI 10.52452/19931778_2024_2_98

ВЛИЯНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКА НА ПРАВОВЕДЕНИЕ¹

© 2024 г.

М.Д. Горбунов

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

maxandgor@gmail.com

Поступила в редакцию 01.02.2024

Рассматривается вопрос взаимного влияния лингвистической философии и правове­дения в рамках аналитического подхода к праву. Указывается, что кризис классической формальной логики в философии привел к формированию новых подходов к объяснению социальных понятий. Новая лингвистическая методология значительно повлияла на понимание права как социального явления и языкового феномена. Автор приходит к выводу, что в результате данного процесса на стыке полемики по поводу вопросов о перформативной природе правил и относительной неопределенности их содержания в меняющемся социальном контексте возникла теория юридического языка. Данная теория значительно повлияла на актуальное правове­дение и во многом обусловила формирование аналитической традиции в юриспруденции.

Ключевые слова: язык права, аналитическая философия, юридический язык, перформативы, речевые акты, правопонимание, научный дискурс.

Кризис классической методологии в философии в середине XX века вызвал необходимость развития новых лингвистических подходов в понимании права. Значение данной гносеологической предпосылки для правове­дения сложно переоценить, поскольку для целого ряда школ это обстоятельство стало разделительной чертой между классическим и современным правопониманием. Научный интерес к реконструкции процесса воздействия лингвистической философии на формирование теории юридического языка и определения конкретных направлений ее влияния на правове­дение значим не только с позиции понимания методологии современного мирового правопонимания (в первую очередь аналитической юриспруденции), но и с точки зрения имплементации таких разработок в методологию российского правове­дения и расширения его междисциплинарных связей с лингвистической философией, в том числе отечественной семиотикой [1].

К середине столетия в науке стало очевидно, что претензия на универсальность применения логико-философского подхода не подтверждается его низкой способностью объяснять сложные социальные процессы. Этот подход, основанный на формальной логике, предполагает, что каждому понятию в реальности соответствует определенный объект [2]. Однако явления человеческой культуры часто такого фактического референта не имеют. Особенно остро данная проблема проявилась при анализе функциональных социальных институтов, в том числе и права. Правовая

система включает в себя множество понятий, категорий, смыслов и их взаимодействий.

Изучение понятия «правило» в юридическом языке стало важной задачей философов в стремлении лучше понять, как правила формулируются и интерпретируются субъектами и как они влияют на человеческое поведение ввиду их особой природы. Именно анализ практики юридического языка привел к отказу от понимания универсальности формальной логики в объяснении явлений человеческой культуры. В свою очередь изучение и анализ языка права стали ключевыми компонентами в поиске понимания и интерпретации правовых явлений в самом правове­дении [3, р. 355].

Такая связка между аналитической философией и юриспруденцией привела к формированию двух важных взаимосвязанных тем:

– первая касается особой перформативной природы (правовых) правил. Здесь необходимо отметить теорию речевых актов и перформативных высказываний, которая была разработана Дж.Л. Остином и дополнена Г. Райлом;

– вторая заключается в проблеме следования правилам ввиду их относительной неопределенности, выявленной в теории Ф. Вайсмана на фоне рефлексии теории языковых игр Л. Витгенштейна.

Поиск ответов по заявленным темам не только привел к совершенству философской методологии, но и спровоцировал так называемый «лингвистический поворот» в философии права, что оказало значительное влияние на современный правовой дискурс [2; 4].

Следует рассмотреть данные темы более подробно. Дж.Л. Остин предложил более глубокое понимание языка, отрицая его просто описательную функцию и указывая на его роль не только в передаче информации, но и побуждении к действиям [5, с. 153]. Это стало возможно благодаря осознанию того, что язык является не только средством передачи информации, но и способом влияния на окружающих. Понятия языка имеют активную природу и способны не только описывать факты, но и создавать новые. Язык в данном контексте рассматривается как система, способная формировать социальное поведение через особые речевые акты. Такие акты Остин назвал «перформативными». Особенностью таких актов является использование специальных глаголов в первом лице единственного числа, таких как «приказать», «разрешить», «запретить», которые наделяют актора силой осуществления соответствующих действий [6, с. 23; 7, с. 19]. Эти акты порождают различные последствия, в частности их целью может быть убеждение, установление отношений власти или воздействие на эмоции людей. В результате использование языка не только передает информацию, но и формирует определенную реакцию слушателя или собеседника.

Взгляды Остина были органично дополнены концепцией «логического бихевиоризма» Г. Райла, утверждавшей существование взаимосвязи между фактическим поведением человека и его психологическими состояниями [8, с. 13]. В совокупности они послужили основой для объяснения связи между языком права и практикой правовой системы в контексте его перформативных свойств.

В поздних работах Л. Витгенштейна была сформирована концепция «языковых игр», которая тесно пересекается с идеями теории перформативных речевых актов, где язык рассматривается как средство воздействия на реальный мир. Витгенштейн подчеркнул, что «языковые игры» охватывают различные способы использования языка, включая перформативные высказывания, такие как молитвы, заклинания и команды. Эти высказывания не только описывают мир, но и непосредственно влияют на него. Важным аспектом «языковых игр» для Витгенштейна является то, что соглашение о правилах таких игр, с одной стороны, определяет порядок их интерпретации и практического использования, однако само не имеет жесткой институциональной природы, скорее являясь «формами жизни» [9].

Такая постановка вопроса оказалась важной для проблемы практики использования юридического языка и обоснования необходимости

подчиняться праву, а также степени его формализованности и объективности. Дело в том, что язык права отличается от обычного языка, так как правила этого языка применяются институционально и имеют свои специфические критерии применения. Однако при нечеткой формулировке правил, их толковании и использовании могут возникать сложности в практике их применения. Здесь аргументы Витгенштейна помогли лучше понять данную проблему и разработать более эффективный ответ для ее решения в философии и правоведении сначала в философской теории, в частности во взглядах Вайсмана, а впоследствии и в рамках политико-правовой теории практического разума.

Ф. Вайсман выдвинул тезис об «открытой текстуре» языка, предложив более глубокий анализ использования юридических терминов в контексте правовой науки. Автор обращает внимание на то, что всегда существует возможность упустить определенные факторы, обстоятельства и ситуации, которые относятся к употребляемому понятию. Это приводит к тому, что нельзя предсказать все возможные сценарии словоупотребления, в которых правила определения понятия (языковой игры) имеют свое действие, поскольку всегда вероятны непредвиденные случаи [10, р. 125]. Так и конкретная проблема формализации правовых предписаний свидетельствует о неопределенности и открытой структуре юридических правил и права как такового.

Научная дискуссия вокруг двух названных тем позволила сформироваться непосредственно теории юридического языка, объединившей проблематику лингвистической философии и правоведения. Значительная роль в разработке теории юридического языка и новой аналитической лингво-ориентированной методологии в правопонимании принадлежит Герберту Харту. Используя новаторские методы лингвистической философии для анализа социальных понятий, он стал пионером в применении методологических идей аналитической философии в области права, что привело к возникновению аналитической традиции в правовой науке. Его теория юридического языка позволила предметно рассмотреть сущность правовых понятий в контексте связи между языком и правовой системой.

Основой хартовской методологии определения правовых понятий, задавшей гносеологические основы новому изучению правовой системы, стали следующие концептуальные положения:

– нужно учитывать цели употребления понятий и их функциональную роль по построению нормативного (перформативного) вывода, но не описания факта;

– следует принимать во внимание различия в контексте словоупотребления и процесс его изменения и реального влияния на содержание понятий;

– необходимо признать относительную неопределенность и открытую структуру юридических понятий при определении критериев их употребления [11].

Таким образом, метод философского определения Харта направлен на более точное и глубокое определение содержания правовых понятий, поскольку позволяет учитывать контекст и цели словоупотребления, внутренние и внешние связи правовых понятий.

В стремлении объединить методологию лингвистической философии и философии права постепенная переориентация фокуса исследований Харта на анализ собственно юридических понятий привела к формированию аналитической традиции в юриспруденции. Аналитическая юриспруденция повысила значимость определения правовых понятий, сделав данный вопрос ключевым в правовой онтологии. Методология, разработанная Хартом на основе достижений лингвистической философии, оказала влияние как на его собственные правовые исследования, так и на работы его критиков и последователей, таких как Джозеф Раз и Нейл МакКормик, и соответственно продолжает влиять и по сей день, оставаясь в поле научной рефлексии не только зарубежных, но и отечественных авторов [12, р. 31–48; 13, с. 74–80].

В результате рассмотренных выше процессов аналитическая философия предложила позитивное описание формирования понятий и норм как результат социальных процессов, а само право (как понятие) как социальный факт в системе этих фактов (социальных институтов). Представляется, что наиболее конкретизированно влияние лингвистической аналитической философии и теории юридического языка на правоведение выразилось в формировании следующих двух тезисов:

– право воспринимается и оценивается субъектами, на которых распространяется его действие, а его содержание формируется исходя из такого восприятия, поскольку право как понятие определяется из общественной конвенции принятия определенного варианта понимания в сложившейся социальной практике;

– право закрепляет официальное содержание терминов и правил и оптимизирует его для понимания и уяснения субъектами, в том числе в рамках официальных полномочий по интерпретации и идентификации новых социальных фактов, формирующих правила поведения, но выходящих за пределы существующей нормативно-понятийной системы.

Например, первый тезис нашел свое отражение в концепции внутренней и внешней точки зрения на право (Харт), понимании правовых норм как исключających оснований для действий (Раз) и концепции всеобщей аргументативной практики в нормативной системе (МакКормик).

Харт утверждает, что правовая система существует тогда, когда складывается дуализм отношений внутренней и внешней точки зрения на правила, где первичные правила соблюдаются гражданами независимо от их мотивов, а вторичные правила применяются для обеспечения действия права и рассматриваются как стандарты поведения на основании сложившейся практики [14, с. 95]. По Разу, практическое мышление человека обуславливает то, что индивид совершает действия на основе соответствующих фактов – оснований для действий. Исключающие основания для действий, обеспеченные легитимной властью, носят нормативный характер и являются защищенными основаниями для действий, поскольку способствуют наиболее эффективной деятельности индивида. Право представляет собой систему таких защищенных оснований [15, р. 29]. МакКормик отмечает, что человек оперирует особым видом фактов – институциональными фактами, которые образуют нормативную систему общества. Пользование нормами является естественным свойством человеческой природы и является осознанным. Переход к правовому порядку осуществляется посредством институционализации, путем организации официальной власти, которую индивиды принимают для себя на основании представлений о ее полезности и справедливости [16, р. 20].

Принятие права как системы с внутренней и внешней точки зрения (Харт) и его существование в аргументационной практике (МакКормик) как исключające основания для действий (Раз) может быть интерпретировано таким образом, что право по сути является коммуникативной системой, формирующей собственный дискурс, а подвластные являются участниками этого дискурса, поэтому в любом случае должны воспринимать его для себя хотя бы на уровне ключевых его положений (метадискурса).

Второй тезис проявился, в частности, в проблеме формализма и релятивизма юридических правил (Харт), понимании идентифицируемости норм как главного критерия права (Раз), новой технике судебного толкования (МакКормик). По Харту, нормы фиксируются в правовой системе посредством формальных законодательных актов, которые ограничены сферой простых случаев ввиду пределов описательной возможности языка, что составляет открытую

структуру права. Открытая структура вызывает необходимость интерпретации юридических правил для недопущения правовой неопределенности посредством принятия авторитетного прецедентного решения [14, с. 136]. Раз говорит, что нормативность права обеспечивается тогда, когда правовые предписания могут быть четко идентифицированы. Несовершенство юридического языка и необходимость соотнесения общей нормы и частного случая обуславливает необходимость интерпретации. Первичной задачей суда является установление соответствия между нормой закона и рассматриваемым делом посредством создания вторичных социальных фактов нормативного свойства [17, р. 212–224]. МакКормик отмечает, что важнейшей задачей формирования институционального нормативного порядка является повышение эффективности правовых норм посредством обеспечения их ясности и возможности четкой интерпретации. Ясность норм обеспечивается их согласованностью и последовательностью, основанной на рациональной аргументации как части практического мышления. Аргументация при этом выходит за рамки судебной и является всеобъемлющей деятельностью, влияющей на само право [18, р. 14–15].

Правила, определяющие порядок употребления правовой терминологии и применения правил, по сути имеют не только формально-юридическое, но и языковые коммуникативные свойства, поскольку право – это формализованная знаковая система с перформативными свойствами. Но ее формализованность ограничена, и эта система не является искусственной в полном смысле слова, поскольку ее природа лежит в системе социальных фактов и отношений, поэтому нужна интерпретация и правила такой интерпретации и постоянное уточнение рамок свободного многовариативного употребления. Техническими средствами невозможно достигнуть ясности этой системы. Поэтому, по Харту, праву свойственна открытая структура, по Разу, рамки интерпретации ограничены и, по МакКормику, должны строиться по определенному алгоритму.

Таким образом, в совокупности восприятие лингвофилософских установок ознаменовало уже «лингвистический поворот» в правоведении. Затронул этот «поворот» прежде всего британскую правовую традицию (в первую очередь ее позитивистское направление) и позволил в результате выдвинуть тезис, что право является результатом социальной конвенции как сформированное в рамках человеческой культуры контекстуальное понятие, зависящее от сложившейся практики его употребления,

выполняющее определенные общественные потребности. Представляется, что данная установка методологически может представлять высокую ценность для отечественной теории и практики юриспруденции с позиции повышения конкурентного положения и эффективности отечественного права, поскольку оправдывает необходимую концептуальную связку права, общественной нормативной и коммуникативной систем, в частности в поле семиотики и юридической техники.

Примечание

1. Материал статьи апробирован в рамках серии научных семинаров «Язык права и правовая коммуникация в знаковых системах культуры», организованных кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (семинар от 26 июня 2023 года). Новости юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского. URL: <https://law.unn.ru/novosti/zavershayushhaya-vstrecha-v-ramkah-serii-nauchnyh-seminarov-yazyk-prava-i-pravovaya-kommunikatsiya-v-znakovyh-sistema-h-kultury-v-2022-2023-uchebnom-godu/> (дата обращения: 18.10.2023).

Список литературы

1. Лотман М.Ю. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
2. Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 216 с.
3. Hart H.L.A. Philosophy of Law and Jurisprudence in Britain (1945–1952) // The American Journal of Comparative Law. Summer 1953. Vol. 2. № 3. P. 355–364.
4. Дидикин А.Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 244 с.
5. Остин Дж.Л. Три способа пролить чернила: Философские работы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 335 с.
6. Остин Дж.Л. Перформативы – констативы // Философия языка / Ред.-сост. Дж.Р. Серл. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 23–34.
7. Остин Дж.Л. Как производить действия при помощи слов // В кн.: Остин Дж. Избранное / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М., 1999. 332 с.
8. Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.
9. Ладов В.А. Иллюзия значения: проблема следования правилу в аналитической философии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 326 с.
10. Waisman F. Verifiability // Proceedings of the Aristotelian Society. 1945. Vol. 19. P. 119–150.
11. Касаткин С.Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара: Прайм, 2014. 472 с.
12. Postema G. Legal Positivism: Early Foundations // In: The Routledge Companion to Philosophy of Law / Ed. by A. Marmor. New York: Routledge, 2012. P. 31–48.

13. Суровцев В.А. О методах аналитической философии // Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. СПб.: Изд-во фило-соф. фак. СПбГУ, 2012. С. 74–80.

14. Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ. Е.В. Афонасина, М. Бабака, А.Б. Дидикина, С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 304 с.

15. Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. New York: Oxford University Press, 2009 (the 1st edition – 1979). 245 p.

16. MacCormick N. Institutions of Law: An Essay in Legal Theory. 1st edition. New York: Oxford University Press, 2007. 317 p.

17. Raz J. The Concept of a Legal System: An Introduction to the Theory of Legal System. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1980. 245 p.

18. MacCormick N. Rhetoric and the Rule of Law: A Theory of Legal Reasoning. New York: Oxford University Press, 2005. 287 p.

THE INFLUENCE OF LINGUISTIC PHILOSOPHY AND THE THEORY OF LEGAL LANGUAGE ON LAW

M.D. Gorbunov

The article examines the issue of mutual influence of linguistic philosophy and jurisprudence within the framework of an analytical approach to law. It is indicated that the crisis of classical formal logic in philosophy led to the formation of new approaches to explaining social concepts. The new linguistic methodology has significantly influenced the understanding of law as a social phenomenon and a linguistic phenomenon. The author comes to the conclusion that as a result of this process, at the junction of polemics regarding questions about the performative nature of rules and the relative uncertainty of their content in a changing social context, a theory of legal language arose. This theory has significantly influenced current jurisprudence and largely determined the formation of an analytical tradition in jurisprudence.

Keywords: language of law, analytical philosophy, legal language, performatives, speech acts, legal understanding, scientific discourse.

References

1. Lotman M.Y. Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history. M.: Languages of Russian culture, 1996. 464 p.

2. Ogleznev V.V. H.L.A. Hart and the formation of the analytical philosophy of law. Tomsk: Tomsk University Press, 2012. 216 p.

3. Hart H.L.A. Philosophy of Law and Jurisprudence in Britain (1945–1952) // The American Journal of Comparative Law. Summer 1953. Vol. 2. № 3. P. 355–364.

4. Didikin A.B. Analytical philosophy of law: origins, genesis and structure. Tomsk: Tomsk University Press, 2016. 244 p.

5. Austin J.L. Three Ways to spill ink: Philosophical Works. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2006. 335 p.

6. Austin J.L. Performatives – constatives // Philosophy of language / Ed.-comp. J.R. Searle. M.: Editorial URSS, 2010. P. 23–34.

7. Austin J.L. How to perform actions using words? // In the book: Austin J. Selected works / Translated from English by L.B. Makeeva, V.P. Rudnev. M., 1999. 332 p.

8. Ryle G. The concept of consciousness. M.: Idea Press, House of Intellectual Books, 1999. 408 p.

9. Ladov V.A. The illusion of meaning: the problem of following the rule in analytical philosophy. Tomsk: Tomsk University Press, 2008. 326 p.

10. Waismann F. Verifiability // Proceedings of the Ar-

istotelian Society. 1945. Vol. 19. P. 119–150.

11. Kasatkin S.N. How to define social concepts? The concept of ascriptivism and the repealability of the legal language by Herbert Hart. Samara: Prime, 2014. 472 p.

12. Postema G. Legal Positivism: Early Foundations // In: The Routledge Companion to Philosophy of Law / Ed. by A. Marmor. New York: Poutledge, 2012. P. 31–48.

13. Surovtsev V.A. On the methods of analytical philosophy // Analytical philosophy: problems and prospects of development in Russia. St. Petersburg: Publishing House of the Faculty of Philosophy. St. Petersburg State University, 2012. P. 74–80.

14. Hart H.L.A. The concept of law / Translated from English E.V. Afonasin, M. Babak, A.B. Didikin, S.V. Moiseev. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2007. 304 p.

15. Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. New York: Oxford University Press, 2009 (the 1st edition – 1979). 245 p.

16. MacCormick N. Institutions of Law: An Essay in Legal Theory. 1st edition. New York: Oxford University Press, 2007. 317 p.

17. Raz J. The Concept of a Legal System: An Introduction to the Theory of Legal System. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1980. 245 p.

18. MacCormick N. Rhetoric and the Rule of Law: A Theory of Legal Reasoning. New York: Oxford University Press, 2005. 287 p.